

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ЛАРИСА

СОБОЛЕВА

Я ВЕРНУСЬ, КОГДА МЕНЯ
НЕ СТАНЕТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Оформление — *Екатерина Фerez*

Соболева, Лариса Павловна.
С54 Я вернусь, когда меня не станет : [роман] / Лари-
са Соболева. — Москва : Издательство АСТ, 2020. —
352 с.

ISBN 978-5-17-113956-8

Ирму Шубину застрелили у ночного клуба, камеры видеонаблюдения зафиксировали этот момент, а тележурналисты показали по ТВ.

Но настоящая Ирма жива, она видит репортаж в новостной программе. Два с половиной года назад в нее уже стреляли, она упала в реку, выловил ее дед Тема, проживающий в селе, он же и приютил, солгав всем, будто девушка — его внучка. Теперь она — Ирина, прижилась в селе, стала работать на местного «олигарха» Георгия, только за пределы деревни не выезжает.

Но смерть своей копии озадачила Ирму: некая девица, очень похожая на нее, заняла ее место? Как это может быть? А муж? Он не заметил, что копия не его жена? И почему ее пытались убить два с половиной года назад?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113956-8

© Л. Соболева
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ЧЕРНАЯ ПЯТНИЦА ДЛЯ ИЗБРАННЫХ

На мокром асфальте фигура молодой женщины смотрелась нелепо, выделяясь яркими, не по сезону и по погоде, тонами. Сначала в глаза бросалось расклешенное пальто ядовитого цвета электрик, угол полы которого завернулся лицевой стороной, прикрыв вытянутую ногу. Вторая нога, неуклюже согнутая, касалась коленом вытянутой, а лодыжка и ступня отведены в сторону, из бирюзовой туфли на высоком каблуке выскользнула пятка. Затем золотисто-желтая подкладка была по глазам сочным цветом, потом привлекали внимание рыжие волосы, разметавшиеся по асфальту веером вокруг головы, в последнюю очередь — платье. Платье стальное в бирюзовых разводах с широкой юбкой до колен.

— Никогда я не одевалась в цвета попугаев, — сказала Ириша.

Услышав странную фразу, дед Тема взглянул на нее поверх очков и, озадачившись, задержал взгляд на девушке. Давно жил он один, а два с половиной года назад приютил Иришу, стала она ему вместо внучки или дочки — неважно. Главное, как будто всю жизнь с ним жила, в общем, скрасила бессмысленное существование.

Человек он на вид крепкий, не худой и тем более не толстый, несмотря на семьдесят пять лет — здоров, если не считать скачущее давление, да и то это явление редкое, к счастью. Тельняшки носил летом и зимой:

летний тельник без рукавов, а зимой с рукавами, сверху свитерами утеплялся.

Сидела Ириша в профиль к нему за круглым дубовым столом времен двадцатых годов прошлого века, накрытым клетчатой скатертью с бахромой, упираясь в столешницу ладонями. Сидела, подавшись вперед, словно хотела проникнуть сквозь все эти непонятные цифры, из которых складывается изображение в телевизоре, и очутиться там, на мокром городском асфальте среди полицейских. Но его поразил не столько зачарованный вид Ириши, сколько интонация — тихий голос и вдруг откуда-то взявшаяся сила в нем, а также нечто отчаянно-безысходное, спрятанное глубоко внутри, уловил дед Тема в голосе приемной внучки.

— Бирюзу люблю, но не в таком же сочетании.

Невольно он перевел взгляд на цветную картинку, правда, тускловатую, так ведь событие случилось в вечернее время. И сморщил дед свой картофельный нос, выражая неудовольствие, ибо на экране... Одно и то же показывают: криминал на криминале, будто все добрые дела закончились.

Ну, молодая дама лежит с простреленной грудью, пятно черное расплылось до самой шеи; лица не разглядеть: и далековато, и отвернуто от камеры. Зато рыжие волосы во всей красе — так и сияют под искусственным освещением.

Любил дед Тема рыжих баб, жена его была рыжая да конопатая, а еще жаркая: обнимешь — и огонь по жилам течет вместо крови. Иришка тоже рыжая, но без веснушек, а жаль — веснушки задорной делают женщину, притягательной, непохожей на других.

Не понял дед, что так захватило девушку, за два с половиной года он впервые видел Иришу перевозбужденной. При всем при том она прилагала немало усилий, чтобы не выплеснуть из себя все то, что копилось в ней,

возможно, не один год. Между прочим, отличалась она от всех баб, встречавшихся на его веку, как раз умением держать себя на уровне. Уровнем дед называл воспитание, а все остальное — лишь приложение к этой необходимой и наиболее важной составляющей человеческой породы.

Однако теперь дед Тема иначе посмотрел на экран, сиюсья понять, что ж там такого захватывающего увидела Ириша? И слух подключил, а то ведь забот полно, о них думал во время своего занятия, а занимался он исключительно важным делом — сетку плел, чтобы браконьерить на речке.

— ...без десяти девятнадцать вышла из машины и направилась в ночной клуб «Саламандра», — бодренько вещал женский голос за кадром, предыдущую информацию дед Тема, разумеется, пропустил. — Спустя всего несколько секунд из-за угла выехал мотоциклист, затормозил, перегорев див дорогу Ирме Шубиной, и выстрелил в нее два раза с близкого расстояния. Камеры видеонаблюдения зафиксировали этот момент...

Картинка на экране сменилась, дед понял, что репортаж уже смонтирован, а не ведется в реальном времени. Изображение стало хуже, но ненамного, вид сверху: молодая женщина, захлопнув дверцу автомобиля, сделала несколько решительных шагов вперед. Появился мотоциклист, два выстрела — и женщина падает в замедленном темпе, словно пьяная, а не убитая.

Дед Тема, забыв про свою работу, поднял седые брови, отчего резче обозначились морщины на лбу, вытаращил бледно-голубые глаза, громко возмущившись:

— Человека, пусть женщину, но убивают! А они нам это показывают во всех подробностях! Зачем? Чтоб молодежь училась, как стрелять в людей?

Не удалось ему вовлечь в разговор Иришу, а ведь они частенько обсуждали новости за вечерним чаем. Телек

теперь у деда... мечта, а не телик: большой, широкий, плоский, все на нем видно, даже буквы видно без очков. Иришка купила! Она же умница, работает у тутошнего олигарха помощником, а в свободное время помогает соседской ребятне с английским и русским. Бесплатно! В свое время ей помогли, теперь она долг отдает, но люди продуктами возмещают уроки, а это немало. Иришу в школу звали! Не хочет. Говорит, преподавать системно вряд ли сможет, немного помочь — другое дело.

На экране тем временем молодой и внешне очень примечательный мужчина, зло сверкнув глазами из-под нахмуренных бровей, резко выбросил руку к камере и закрыл пятерней объектив под комментарий журналистки, которая, наконец, показала себя:

— Муж убитой отвечать на наши вопросы отказался, впрочем, для него эта пятница в прямом смысле стала черной. Следствие тоже пока не может назвать предварительных версий... или не хочет. По слухам, светская львица Ирма Шубина последнее время отличалась скандальными выходками...

— Ишь, растрещалась, замухрышка! И чего это некрасивых девок берут в журналистки? — забрюзжал дед Тема, вовлекая Иришу в диалог. — Глазу приятно должно быть, когда он телик смотрит...

Но экран просто-напросто заморозил ее! Не видела, что ли, убиенных? Каждый день показывают то в кино, то в новостях, то в передачах. Нет, она будто не слышала сторонних фраз, потому не реагировала, а выглядела до крайности озабоченной — еще один штрих к необычному состоянию Ириши. Ему осталось проворчать с чуть заметной обидой:

— Раньше мужиков валили, теперь за баб принялись.

А в следующий миг он вынужденно замолчал, потому что появилось фото молодой женщины почти во весь экран! Тут-то дед и замер, сраженный портретом уби-

той, даже рот приоткрыл, словно что-то хотел сказать, да не смог от потрясения выговорить ни звука.

До боли знакомыми ему почудились ярко-рыжие кудри, рассыпанные по плечам, да и медного цвета глаза видел он не раз, а вот дерзкий взгляд, направленный чуть в сторону, незнаком ему. Но полуулыбка, тронувшая губы цвета спелой морковки, точь-в-точь... Иришкина!

Да-да-да! Дед Тема даже головой тряхнул, полагая, что померещилось ему, но нет — копия Иришки на экране осталась! Только призывно-провокационная мимика совсем нехарактерна для нее, она вызывающая, а Ириша мягкая, нежная, можно сказать, кроткая, хотя характер у нее, без сомнения, есть. Внезапно появившись в его доме, девушка заставила деда жить по новым правилам, укrotив довольно жесткий нрав хозяина. Теперь, чтобы пропустить рюмашку с соседом или того хуже — покурить, нужно это делать тайком, чтоб Ириша не видела. Ругается! А жизнь его стала светлее и теплее — вот такая странность.

— Ба-а-а!.. — протянул дед Тема, качая головой в знак изумления. — Гляди, Ириша, как на тебя похожа-то! Пряма сестра родная... э... как близняшка...

— Это не сестра, — сказала Ириша тусклым голосом.

— Так я ж и говорю: КАК сестра! Не-е-е, ты лучше. У этой, что застрелили, смелости в избытке на мордахе, нехорошо для женщины... Ты чего, Ириша?

Она, неотрывно глядя в телевизор, встала со стула, упираясь ладонями в столешницу, застыла, вроде как и не дышала. С появлением нового снимка той же девушки в светлом пальто с букетом осенней листвы под цвет ее волос произнесла совсем чужим голосом:

— Вот моя фотография, до этого не мои были.

Обалдевший дед снова перевел взгляд на экран любимого телика, а там уже другой снимок: рыжая девуш-

ка в длинном (нарядном) летнем платье с оголенными плечами у автомобиля. Он покосился на Иришу, вопросов не задавал, просто не знал, о чем в таких случаях спрашивают, она сама сказала:

— И это... моя фотография... четырехлетней давности... Обе были напечатаны в глянцевом журнале. А это... это уже не я.

Нет, она! Она, она! С ума сойти! На экране фото Ириши в каком-то публичном месте типа ресторана, судя по столикам за ее спиной, и она точно не в себе. Нет, ну, правда, видно же: пьяная, к тому же растрепанная, какая-то вульгарная и неопрятная.

Следующая фотография наверняка из того же места, так как платье на Ирише (или не Ирише?) из предыдущей фотографии, но теперь девушка сидит на полу у стены и то ли плачет, то ли хохочет...

Еще фотка — для пуританина деда Темы просто немыслимая: Ириша (нет, похожая на нее девица) держится за вертикальную палку, а сама... с сиськами наружу! Одежда на бедрах, а изогнулась... как гимнастка. Дед Тема, глядя на калейдоскоп компрометирующих снимков и почесывая седую бородку, произнес задумчиво, кстати, не обращаясь к Ирише, словно себя спрашивая:

— Кого же тогда застрелили сегодня?

— Меня. Так будут думать все.

— А кто она?.. — указал он подбородком в сторону телевизора.

— Не знаю, Артем Иванович, не знаю. Но сестер у меня никогда не было ни родных, ни двоюродных, истории про разлученных близнецов тоже не мой случай. А имя... имя у меня было — Ирма Шубина.

Если б кто-то со стороны услышал их, непременно подумал, что Ириша слегка умом тронулась, но дед Тема воспринял ее слова всерьез:

— Так это... ты что же, все вспомнила?

А она никогда и не забывала. Просто всех обманула, будто потеряла память, — в исключительных условиях обман бывает спасением от опасных вопросов и абсолютно ненужной помощи. Обстоятельства иной раз непредвиденно поворачиваются самой черной стороной, появляется необходимость отсоединить от себя прошлую жизнь, вырезать из биографии, как некий болезненный нарост, ошибочно прилипший к здоровому телу, душе, сознанию. И тогда выходом становится... банальная, но для всех убедительная потеря памяти. Зато никому в голову не приходит вернуть человека в его прежнюю жизнь — возвращать-то некуда.

Но сегодня Ириша проболталась, непроизвольно проболталась, потеряв контроль над собой. Потому что репортаж, который она смотрела, включил старую программу, а в ней — обиды, боль, страх, смерть и выживание... Все звучит тоже банально, но при условии, что происходящее не касается лично тебя. Однако история в телевизоре касалась Ириши напрямую, и это отдельная повесть.

Появилась очередная фотография на экране, словно из романтических грез десятиклассницы: синее море, солнце и ветер, яхта (часть яхты), она в голубом свободном платье, он — в белом спортивном костюме, оба позируют перед камерой, стоя в обнимку. Яхту сменили другие кадры — с похожей на Иришу девушкой, явно в момент съемок шел дождь, а она, свернувшись калачиком прямо на земле, мокрая, грязная и хохочущая...

— Это уже не я, — сказала Ириша. — Это другая...

Дед и без нее догадался, что не она валялась в луже, за каких-то несколько минут он научился различать настоящую от поддельной. Его Ириша такое не способна отмочить ни в одном из известных состояний человека, кстати, и пьяной она не бывала. Безусловно, он

жаждал услышать ее историю, раз уж вспомнила, кто она есть, да не стал давить вопросами, видя, что в данную минуту ей не до повествований, только произнес тихо:

— Веселую девку убили. Стало быть, она выдавала себя за тебя?

В эту тяжелую атмосферу немых вопросов и недосказанности врвался бодрый голос тележурналистки, звучавший за кадром:

— После автомобильной аварии, которая случилась два с половиной года назад, Ирма Шубина кардинально поменяла свои изысканные манеры на вольное поведение. Последнее время светская львица Шубина создавала проблемы своему мужу, она стала настолько раскрепощенной, что постоянно попадала на страницы желтой прессы, интернет-изданий и телевизионной хроники происшествий. Ее часто видели в нетрезвом состоянии, она приставала к мужчинам, могла устроить дебош в ресторане с битьем посуды, раздеться донага на спор в общественном месте...

Слайд-шоу кончилось, вновь появилась неприглядная картина с женским трупом на мокром асфальте, и это уже репортаж в реальном времени. Молодой мужчина что-то доказывал одному из полицейских, тот слушал его с ленивым вниманием.

— А что за мужик руками машет? — поинтересовался дед Тема. — В светлом плаще?

Ничего другого не осталось Ирише, как сказать правду, раз уж проболталась:

— Это мой муж... его зовут Даниил.

— С вами были: Анна Петренко и Антон Краснов, — сказала журналистка, появившись на экране на несколько секунд. — Следите за новостями на нашем канале и на сайте. Берегите себя. Увидимся.

Открыв дверь, Виктория отступила, пропуская Даниила. Задержался он в прихожей на незначительное время, только чтобы скинуть обувь. Затем двинул в комнату, на ходу сняв плащ и бросив его на канapé, а очки-хамелеоны машинально оставив на столике под зеркалом. Сегодня Даниил не отметился даже дежурным поцелуем, выглядел уставшим, мрачным, угрюмым... таким Вика его еще не видела. Плащ соскользнул с канapé и упал на пол, она подняла, повесила в шкаф и вошла в комнату.

Даниил полулежал в кресле, вытянув скрещенные ноги и прикрыв веки. Работал телевизор. Вика задержалась в дверях, рассматривая человека, которого любила, но... не знала. Сегодня, сейчас пришло на ум: не знала — не странно ль? Она поймет с закрытыми глазами, когда Даниил обнимет ее, что это он, его черты узнает на ощупь, определит по шагам — кто идет. Два года назад, когда Вика пришла наниматься к нему на работу, крышу у нее унесло почти сразу и очень-очень далеко. Причем не сказать, что он смахивает на супергероя из крутого боевика или на мачо с обложки журнала, рекламирующего пляжи Малибу, но при всем при том у Даниила своеобразная и довольно примечательная внешность.

Ну, а как могла Вика остаться безучастной к жадным очам, которые буквально вонзились в нее черными стрелами? Однако глаза совсем не поражали величиной и красотой — расположенные близко к переносице, они казались спрятанными за веками и прямыми ресницами, но Вика всегда угадывала его настроение по выражению глаз.

Сухощавый Даниил может показаться несимпатичным, но чем дольше смотришь на него, тем больше нравится прямой тонкий нос, высокий и вертикаль-

ный (без покатов) лоб, линия рта с упрямыми губами над острым подбородком, резко очерченные, слегка монгольские скулы. А вместе несуразные черты делали лицо brutальным и одновременно (редкое сочетание) изысканно-надменным, стало быть, идеально мужским. И как было не обратить внимания на шапку непокорных волос цвета антрацита, норовивших при каждом движении головы упасть на лоб, закрыв густые брови?

С первой встречи ей понравилась его манера держаться, хотя движения у Даниила резкие и неожиданные, при всем при том уверенные. Смотришь на этого человека и понимаешь: ему все по плечу, он заполучил лучшую подружку, о которой мечтает поголовно все человечество, — Фортуну.

На работу Даниил взял ее без тестирования, прочитав резюме прямо при ней, изредка бросая на девушку молниеносные взгляды, отчего душа внутри делалась маленькой и жалкой. К этому времени ей было известно, что Шубин в течение месяца уволил всех офисных работников практически с одной формулировкой: промышленный шпионаж. Кто-то что-то сдал (или продал), виновника не нашли, разгневанный Даниил решил всех убрать, вплоть до уборщиц и охранников. Поговаривали, на работу он берет только красивых женщин, но совсем не для развлечений (ах, какой изъясн! — жалели офисные мышки). Да-да, интрижек не заводил, на дружеский контакт с подчиненными не шел, довольно-таки закрытый субъект.

Впрочем, Вика — реалистка — отдавала себе отчет и без досье на Шубина, что по сравнению с ним она большой-большой ноль. Поэтому, получив работу в экономическом отделе, и не порывалась строить шефу глазки или жеманничать, тем более Даниил Романович не давал ни малейшего повода. Мало того, он вообще не общался с работниками, только через менеджеров,

к нему подойти нельзя — охранники не пустят. Но Викторю иногда вызывал и нагружал поручениями, она исполняла их, так прошло месяца четыре.

Однажды девушка засиделась в отделе допоздна только потому, что не хотелось идти на съемную квартиру, которую делила с приятельницей, менявшей парней слишком часто, чтобы их запомнить. Когда сосед/соседка занимает собой все пространство от пола до потолка, второму жильцу не находится крошечного уголка даже в собственной комнате. Виктория стала задерживаться в офисе, а работы невпроворот, этого добра всегда в избытке.

Вдруг вошел шеф. Даниил Романович тоже не горел желанием ехать домой, как выяснилось позже, он пригласил Викторю... обалдеть!.. пригласил поужинать! Язык не повернулся отказать. На тот момент это был лучший вечер в ее жизни, оба как-то сразу нашли общий язык и много болтали. Оказалось, кругозор Даниила не ограничен узкими рамками бизнеса и производства, а достаточно широк.

Вика лишь контролировала себя, чтобы не показаться слишком заумной и не слишком правильной, на собственном опыте знала, как оба эти недостатка отпугивают мужчин. Но, может быть, ей не везло на бойфрендов, попадались какие-то недотепы или самонадеянные дураки. По большому счету на них не стоило тратить время, просто все упиралось в шаблон: красивая молодая девушка и — одна, это противоестественно. В тот вечер за свои неполные двадцать пять, сидя за столиком на двоих в уютном полутемном зале, Вика впервые забылась, она не ощущала, как пролетают минуты: настолько интересно было с Даниилом! Кстати, он попросил называть его по имени, без отчества, она согласилась:

— Хорошо, но только не в офисе.